

Сегодня мы представим читателям новые стихи Михаила Люгарина, Василия Скребкова, Эвальда Рибба, Нины Ягодинцевой.

Михаил ЛЮГАРИН

ПЛАМЯ

Сколько лет прошло
И сколько зим,
Как меня не видит
Коксохим.

Разделяет нас Урал-река,
Розовые сполохи на ней,
Над тушильной башней облака,
Словно пух от белых лебедей.

Над заводом
Вялый пар и буйный дым,
Полной грудью дышит
Коксохим.

Год тридцатый
Помню до сих пор:
Надрывал «козлами»
Свои плечи,

Котлован копал,
Огнеупор
Подносил для кладки
Первой печи.

О былом забыть не смею —
Мирную построил батарею.
О былом мне память дорога,
Как победы трудовое знамя.
Для поджарки
«Коксопирога»
Сам раздул
Малиновое пламя.

Может быть погасло?
Где там,
Как и я. Оно зимой и летом.

МАРРА

Узкоглаза, с черными зрачками,
ставшая до боли самой близкой,
с нею мы встречались утрами,
она нежно пела по-башкирски.
Русских слов почти не понимала,
на вопрос кивала головой.
И в ответ:
«Уй-бай Магнитострой»,
Улыбаясь Марра повторяла.
Мы влюблялись в стройку

мировую,

все освоя,
скидки не просили.
С котлованов землю вековую
мы руками вместе выносили.
На свиданьях с нею
были немые,
я курил,
глотаю едкий дым,
между делом сочинял поэмы
про любовь, село и коксохим.

Забывался в деле
день вчерашний
Каменел незыблемый бетон,
заслоняли угольные башни
голубой за речкой небосклон.
Был в работе пылким,
в дружбе скромным.
Потерял я Марру.
...Где она?
Силу набирал завод огромный,
И на плечи поднимали домны
Первую шихту для чугуна.
...Наша смена
заступила в восемь.
Вышли новый котлован копать.
Вновь дохнула
синевою осень,
и певунью встретил я опять.
Для беседы
не нашел я темы.
Лишь спросил у Марры:
— Где была?
— Я — на курсах,
и твою поэму
на родной язык перевела.

ЭТЮДЫ

ВETERАНУ МАГНИТОСТРОЯ

Уж как ты тут ни говори,
А ты мне друг —
Роднее брата.
Мы подружались у горы
На коксопечи комбината.

СЕДОВЛАСОМУ САДОВОДУ

От седины не задрожат колени
И старость, не подвластная стыду.
Под хмурым небом
Лес теряет тени —
Деревья остаются на виду.

НАПУТСТВИЕ СТАЛЕВАРУ

Благословляю, с богом, —
ты сказала.
С улыбкой я шагнул через порог.
Не создал бог мартены для
металла
И сталь варить не научился бог.

ОЧЕВИДНОЕ — НЕВЕРОЯТНОЕ

Природы уникальное творенье,
Живя на свете
Разгадать не смог.
Не ведает земля
Свой день рождения,
Не знает небо,
Не припомнит бог.

Василий СКРЕБКОВ, машинист разливочного крана
мартеновского цеха № 3

Земля моя, российская земля!
Тебя дороже ничего не знаю.
К видавшей море крови и огня,
к тебе губами нежно припадаю.
Прижмусь к тебе, как твой
любимый сын,
к груди полей, так много
испытанных,
а ты поведай тайны из глубин
веков далеких, с ликом
пролетающих.

И, замерев в польничной тишине,
услышу я мечей булатных звоны
и гул копыт, и посвист стрел.
Во мне
сольются воедино смерть и стоны.
И ратный клич, и трубный глас
побед,
и боль, и слезы макового цвета,
пожарищ дым, как спутник
черных бед,
не пропускавший солнечного света
Я вижу пыль над лентами дорог,
ведут ордынцы пленников

в неволю.
Сильна Орда, и выстоять не смог
народ, сражавшийся за жизнь
и волю.
И снова край родной опустошен.
Разорены селища, скорбь
над ними.
И ратники на полоненных жен
глядят вослед глазами
пустыми.

Но знаю я: настанет день и час,
и будет время поля Куликова,
когда врагу сторицею воздаст
из непла Русь поднявшаяся снова.
А сколько будет впереди полей,
но для врага все будут —
Куликовы!

И никогда простор земли моей
не будут бить чужих коней
подковы.

Путь до победы был неблизкий,
Как память горькая во мне,

безмолвно встали обелиски,
напоминая о войне.
Идут года, и боль утраты
для молодых не так остра,
но помнят старые солдаты
огонь всемирного костра.
И снова нынче на планете
вьют гнезда ястребы войны.
А мы с тобой за мир в ответе
и за могущество страны.

В жизни трудно мне бывало,
но я легче не прошу.
Миллионов тонн металла
жар в груди своей ношу.
Ну, а если трудно очень,
так, что губы закушу,
мгла закроет жизни просинь,
я помогу тебе прошу.
И мужская солидарность
враз заглушит сердца крик.
Как всегда, на благодарность
скажешь лишь: «Да брось,
старик!».

На лицо мне жар накинёт
сетку резкую морщин.
Знаю, сердце не остынет,
коль в беде я не один.

Было б все иначе,
только я без друга.
За окном то плачет,
то смеется вьюга.
В белой коловерги
спрятана тропинка,
а тоска, поверьте,
в сердце, словно льдинка.
До утра, всю ночь
окаинной злиться.
Долго ж в одиночку
будет темень длиться.
Ой, ты, вьюга, вьюга,
размети тропинку,
приведи мне друга,
вынь из сердца льдинку.

Эвальд РИБ

ПОДСОЛНУХ

Задыхаясь у дорог
в облачной пыли,
вдруг подсолнух занемог
на груди Земли.
Прыгнул дождик с горных скал,
прошумел над ним,
и подсолнух заблестал
солнышком земным.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Знаю, что уходит лето,
вижу грусть в твоих глазах,
слышу: тихо-тихо где-то
туча плачет в небесах.
Как тебя спугнула осень

и ветров печальный свист!
Клен тебе в ладони бросил
золотой прощальный лист.

Зачем же муза
все со мной
идет
и песню напевает,
приходит тайно
в час ночной
и мне вдруг спать
и жить мешает?
Я — не поэт...
Ничья вина!...
Не каждый может стать,
кем хочешь.
Ручьями звонкими
весна
сегодня
надо мной хохочет!

Нина ЯГОДИНЦЕВА, машинист насосных установок
цеха водоснабжения

Закат исполнен,
А рассвет загадан.

Трамвай штурмует первая бригада.
Спеша занять привычные места.
Ночь за окном
Тревожна и пуста.

А к проходным еще идут трамваи,
Про сон и солнце снова забывая.

Над городом —
Назло кричащей тьме —
Разлит огонь
Ночных суровых смен.

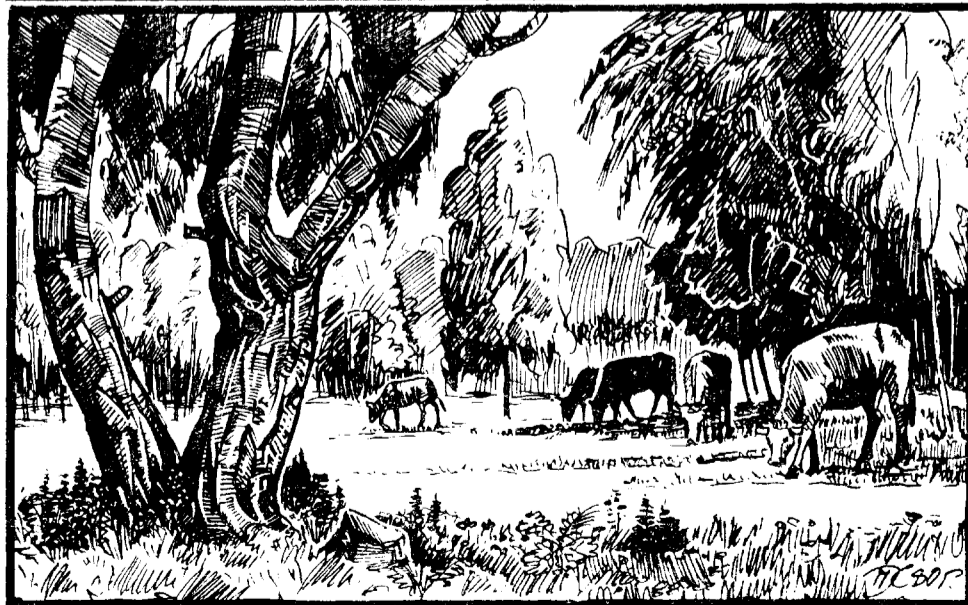
Оберегай, ночная смена,
Мне мысль,
Что завтра непременно
Исполнится
Загаданный рассвет.

По свету — в поисках любви —
Восторженно, бессонно!
Не жди меня и не зови —
Как я жила без солнца?

Закат — не кровь. Трава — не
шелк.

Смелась нейтронной бомбе,
Малыш цветным карандашом
Рисует мир в альбоме...

А у земли — летящий вид,
Власть озаренья, словно
Сквозь время — в поисках любви
Восторженно, бессонно.

На лесной поляне.

Рис. П. Хныкина.